

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

Отчетъ о заграничной командировкѣ ординарнаго профессора по кафедрѣ славянской филологіи С. М. Кульбакина.

Ходатайствуя предъ факультетомъ о командировкѣ, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, расширить свои свѣдѣнія относительно такъ называемаго среднеболгарскаго языка, которымъ я занимаюсь, между прочимъ, съ весьма давняго времени, и которому посвящена была моя докторская диссертація.

Изъ весьма большого количества извѣстныхъ наукъ памятниковъ средне-болгарской письменности до сего времени изданы и охарактеризованы сравнительно весьма немногіе. Въ теченіе предшествующихъ лѣтъ, начиная съ 1898 года, мнѣ удалось уже познакомиться въ оригиналѣ съ значительнымъ количествомъ интересныхъ памятниковъ этой письменности въ бібліотекахъ Москвы, Петербурга, Берлина, Вѣны, Софіи и Бѣлграда.

Имѣя въ виду порученную мнѣ статью о судьбѣ др.-ц. сл. языка на болгарской почвѣ въ „Славянской Энциклопедіи“, издаваемой нашей Академіей Наукъ, я хотѣлъ увеличить свой запасъ матеріала ознакомленіемъ еще съ нѣкоторыми памятниками и остановился на двухъ, которые, судя по неполнымъ, имѣющимся въ наукѣ, свѣдѣніямъ о нихъ, являются особенно интересными и заслуживающими болѣе обстоятельнаго изученія.

Это—такъ называемый Македонскій апостолъ Пражскаго Музея, изъ коллекціи Шафарика, и Загребскій октоихъ—библіотеки югославянской Академіи (въ Загребѣ).

I. Македонскому апостолу посвящена уже была довольно обстоятельная статья проф. Поливки въ Archiv'ѣ (für slav. Phil.) X т., въ которой рассмотрѣны какъ палеографическія, такъ и языковыя особенности памятника, привлекающія вниманіе своей оригинальностью.

Тѣмъ не менѣе для меня какъ въ сторонѣ палеографической, такъ и въ языковой памятника, не все было ясно, почему я и обратился къ самостоятельному его изученію.

Для болѣе твердаго отвѣта на вопросъ о древности памятника необходимо было выяснить точно формы нѣкоторыхъ буквъ, не охарактери-

зованныхъ проф. Поливкой, въ сторонѣ же языковой являлось необходимымъ выясненіе, главнымъ образомъ, двухъ пунктовъ: судьбы въ говорѣ писца стараго ꙗ и судьбы ѡ въ положеніи, допускавшемъ измѣненіе его въ ѡ въ извѣстной части болгарскихъ говорѣ.

Изучивъ языкъ Македонскаго апостола статистически, путемъ карточной системы, на протяженіи всего памятника, я сдѣлалъ фотографическіе снимки въ натуральную величину съ 15 страницъ, а также списалъ, свѣривъ списокъ съ оригиналомъ,—около половины памятника, предполагая впослѣдствіи переписать остающееся и издать памятникъ.

Матеріалъ же для характеристики памятника въ палеографическомъ и языковомъ отношеніи у меня и въ настоящее время полный. Имѣя въ виду использовать этотъ матеріалъ вполне въ особой работѣ, ограничусь здѣсь нѣсколькими общими замѣчаніями.

Оригинальный въ палеографическомъ отношеніи памятникъ Пражскаго Музея,—относится, повидимому, ко второй половинѣ XIII вѣка. Во многихъ пунктахъ палеографическаго характера онъ сходится съ Боянскимъ Евангеліемъ и въ общемъ не уступаетъ въ древности единственному датированному болгарскому памятнику XIII вѣка,—Терновскому Евангелію 1273 г.; только въ отношеніи къ начертанію буквы ч Терновское Евангеліе консервативнѣе; писецъ же Македонскаго Апостола, отличающійся смѣлостью манеры и въ начертаніяхъ буквъ, и въ выраженіи своего говора, всегда почти употребляетъ вилообразное У, иногда же даетъ формы, напоминающія ч нашего гражданскаго алфавита.

Остальными начертаніями: ж, н, и (съ высоко поднятой перекладиной), ѡ—а, Македонскій апостолъ указываетъ на ту-же приблизительно эпоху, что и Терновское Ев., во всякомъ случаѣ не выходитъ изъ предѣловъ XIII вѣка.

Въ языкѣ памятника главное вниманіе обращаютъ на себя два уже указанные выше пункта: 1. судьба ѡ, 2. судьба ꙗ.

Выясненіе этихъ двухъ пунктовъ, несомнѣнно, имѣетъ наиболѣе важное значеніе для опредѣленія говора памятника и для вопроса о говорахъ среднеболгарскаго періода вообще.

Первый вопросъ (о судьбѣ ѡ) Поливка рѣшаетъ словами: „gewöhnlich wird ѡ durch ѡ ersetzt“, въ подтвержденіе чего приводитъ 22 примѣра (Arch. X. 119 с.).

Между тѣмъ факты памятника вовсе не даютъ права на такой опредѣленный и увѣренный отвѣтъ.

Примѣровъ измѣненія ѡ въ ѡ гораздо болѣе 22-хъ; но при оцѣнкѣ ихъ значенія нужно имѣть въ виду какъ характеръ этихъ примѣровъ, такъ и факты противоположнаго свойства.

Характерно, что большая часть этих примѣровъ относится къ двумъ словамъ, получившимъ въ литургическихъ текстахъ значеніе специально церковныхъ терминовъ: *Споканіе* и *любокъ* (40); при этомъ слово *любовь* находимъ съ о и въ косвенныхъ падежахъ, гдѣ ожидали бы исчезновенія з: *любоке*, *любоки* вмѣсто фонетическихъ *любке*, *любки*; къ этимъ примѣрамъ можно прибавить *ѣркокъ* (2 раза).

Остальные 33 примѣра о на мѣстѣ х относятся къ различнымъ словамъ, коимъ можно противопоставить въ общемъ 114 примѣровъ, гдѣ х (въ закрытомъ слогѣ или подъ удареніемъ) сохранено, между ними 3 раза люккь (изъ нихъ 47 относятся къ конечному х предлоговъ въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующей именной формой). Такимъ образомъ, на вопросъ, переходилъ ли х въ о въ говорѣ писца, врядъ ли можно дать такой увѣренный отвѣтъ, какой даетъ проф. Поливка. Если даже отбросить всѣ тѣ примѣры сохраненія х, которые относятся къ предлогамъ, какъ въ сочетаніи съ именной формой, такъ и въ сочетаніи съ глаголомъ (въ виду возможности графической аналогіи), то число примѣровъ сохраненія х значительно больше примѣровъ съ о, — внѣ категоріи 3-хъ словъ люккь, цѣккь, оупоканне.

Если принять во внимание, что писецъ нашего памятника вообще выражалъ свой говоръ свободно, ¹⁾ то врядъ ли не правильнѣе будетъ предположить, что говоръ Македонскаго апостола принадлежалъ къ числу не знавшихъ перехода зъ въ о.

Что касается второго вопроса,—о судьбѣ стараго ѣ въ говорѣ писца, то тщательное изученіе памятника привело меня къ убѣжденію, что ѣ дало а въ говорѣ писца лишь послѣ согласныхъ ч, з, въ силу отвердѣнія этихъ согласныхъ въ эпоху, когда еще ѣ произносилось, какъ 'а; въ иныхъ же положеніяхъ ѣ, повидимому, произносился отлично отъ 'а, и немногочисленные примѣры съ а, на на мѣстѣ ѣ и обратно, приводимые проф. Поливкой, рядомъ съ послѣдовательнымъ ца, за (изъ sa) производятъ впечатлѣніе описокъ. ²⁾

II. Бѣглыя замѣчанія, которыя посвятилъ языку и палеографической сторонѣ Загребскаго Октоиха Ягичъ въ Archiv'ѣ III т. (ср. также Starine X т.), еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ по отношенію къ Македонскому апостолу, оставляютъ просторъ для изученія памятника. И по отношенію къ Загребскому Октоиху я не буду здѣсь

1) ср.: мѣшки поля, по шпци кѣръ, фторница, роцко, нѣсти=нѣтъ
ти, мысникъ=мытъникъ, кѣзнѣчѣ=кѣзнеецѣ изъ кѣзнеецѣхъ и т. п.

2) Приношу сердечную благодарность проф. Зиберту за всегда доброжелательное и любезное отношение во время моих занятий в Пражском Музее.

систематизировать весь собранный мною въ Загребѣ матеріалъ. Замѣчу лишь, что и этотъ памятникъ представляетъ значительный интересъ какъ въ палеографическомъ, такъ и въ языковомъ отношеніи. Въ палеографическомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе сохраненіе нѣкоторыхъ архаическихъ начертаній (а, а, а) при новыхъ, указывающихъ въ общемъ на конецъ XIII вѣка: ж съ сильно урѣзанной верхней частью, ч въ новой формѣ (въ одинъ приемъ) иногда съ оригинальными вариантами, и съ высоко лежащей перекладной, л съ исчезнувшей совершенно верхней частью. Что касается языка памятника, то онъ характеризуется слѣдующими чертами: 1. измѣненіе х въ о (случаевъ съ о на мѣстѣ х больше, чѣмъ случаевъ сохраненія х). 2. слоговые плавные г, л въ соответствіи русскимъ ро, ло, ре, ле (ирасл. гъ, гь, лъ, ль) даже въ закрытомъ слогѣ (выдержанно пазъ, крѣкъ и т. п.; беспатныхъ, скрѣнь, кзпатиса и т. п.); 3. слоговое v: дкрехъ, процкла и т. п.; дзкри, скзтаще и т. п. 4. непосредственно смягченные губные (при примѣрахъ съ кѣ, мѣ, кѣ, пѣ) 5. измѣненіе ж въ и, 6. измѣненіе з въ 3 (помози и т. п., законъ и т. п.) 7. Среднее л на мѣстѣ старого твердаго: лоутихъ, чѣколъвецъ, лоукокиль, лючѣми и т. п. 8. Совпаденіе ц и ч: къ мрачѣ. 9. Сохраненіе ѣ, въ качествѣ особаго звука.

10. Особенный интересъ памятникъ возбуждаетъ своими примѣрами а на мѣстѣ старого ж и наоборотъ, на которые обратилъ вниманіе въ свое время уже Ягичъ (Arch. III). Однако фонетическое значеніе указанныхъ имъ примѣровъ весьма сомнительно. Примѣры эти, обычно, относятся къ флексіи и рядомъ съ такими фактами того же памятника, какъ—ѡ крѣкотчикъ 98 л., кезъ измѣнь 30 об., извезнь 103 об.,—производятъ впечатлѣніе скорѣе фактовъ морфологическаго характера, тѣмъ болѣе, что въ коренныхъ слогахъ х замѣняется иногда знакомъ ж: есмъ 32 л., пожрѣти 17 об. ¹⁾ мѣзда 13 об.; стѣзъ 9 л. 103 л. 104 л. Помимо Загребскаго Октоиха, который былъ главнымъ предметомъ моихъ занятій въ Загребѣ, я ознакомился тамъ съ двумя сербскими памятниками: октоихомъ XIII в. (IV d. 14) и триодью XIII в. (IV d. 4) ²⁾.

Кромѣ занятій среднеболгарскими текстами въ Прагѣ и Загребѣ я имѣлъ въ виду, отправляясь за границу, ознакомиться съ библіотеками Кракова, въ которыхъ мнѣ не пришлось побывать раньше.

¹⁾ Въ среднеболгарскихъ памятникахъ обычно находимъ infinitivъ пожрѣти вм. старого пожрѣти.

²⁾ Приношу сердечную благодарность проф. Смичкласу и проф. Мусичу за любезное отношеніе ко мнѣ во время занятій моихъ въ библіотекѣ Югословянскон Академіи Наукъ.

Въ Краковѣ я ознакомился съ рукописнымъ собраніемъ Музея Чарторийскихъ и собраніемъ университетской библіотеки.

Замѣчу, что знакомство съ рукописями Музея Чарторийскихъ сильно затрудняется отсутствіемъ мало-мальски удовлетворительнаго каталога. Большая часть номеровъ этого собранія относится къ матеріаламъ историческимъ и историко-литературнымъ. Попадаются рукописи кирилловскаго письма, но, конечно, позднія, бумажныя.

Легче ориентироваться въ рукописныхъ собраніяхъ университетской библіотеки, благодаря извѣстному каталогу Вислоцкаго. Въ этой послѣдней я ознакомился по подлинникамъ съ палеографической стороной древнепольскихъ памятниковъ, свѣривъ нѣкоторые тексты, изданные Нерингомъ (Altpolnische Denkmäler), съ оригиналомъ, имѣя въ виду внести ихъ въ небольшую хрестоматію, которую предполагаю приложить къ приготавливаемому пособию для изученія польскаго языка для студентовъ.

Въ университетской библіотекѣ Кракова также попадаютъ изрѣдка тексты кирилловскаго письма,, среди которыхъ интересенъ № 932—сербскій эвхологій приблизительно XIV вѣка—отчасти пергаменный, отчасти бумажный, представляющій собою греческій палимпсестъ.

Въ Краковѣ я имѣлъ возможность принять участіе въ засѣданіи лингвистической комиссіи Краковской Академіи Наукъ. Засѣданіе носило преимущественно административный характеръ. Наиболѣе интереснымъ пунктомъ его былъ докладъ проф. Лося комиссіи о ходѣ своихъ работъ по древнепольскому словарю, составленіе котораго является одной изъ настоятельныхъ нуждъ нашей науки.

Значительную часть лѣта я провелъ на Бледскомъ озерѣ (Veldeesersee) недалеко отъ Любляны, въ области словинскаго языка, имѣя въ виду освѣжить свое знакомство съ этимъ языкомъ для спеціальнаго курса о немъ, который я предполагалъ читать въ весеннемъ полугодіи сего академическаго года. Кромѣ того я имѣлъ въ теченіе лѣта практику въ польскомъ, чешскомъ и сербо-хорватскомъ языкахъ.

Въ заключеніе настоящаго отчета считаю долгомъ принести глубокую благодарность историко-филологическому факультету, исходатайствовавшему мнѣ командировку и ассигновавшему средства для сего.

K 216.

Annales de l'Université Impériale de Kharkow.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1911 г.

Книга 1-я.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д., № 6.

1911.

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
2013р.

1759251
кн. 1-4

3489

66 89 79